

АНТРОПОЛОГИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

ЭО, 2008 г., № 5

© М. Б. Медникова

К ВОПРОСУ О ПОЗИТИВНОМ И НЕГАТИВНОМ ВОСПРИЯТИИ ТАТУИРОВОК В ДРЕВНОСТИ

Татуировка – один из способов манипулировать человеческим телом. В отличие от других, временных способов менять свою внешность, например, причесок или грима, татуировка, как правило, остается навсегда; ведь без специальных усилий по ее выведению наколка необратима. Именно эту особенность выделял основоположник отечественной этнологии Л.Я. Штернберг, назвав в статье для энциклопедии Брокгауза и Ефрона татуирование обычаем выводить на теле неизгладимые знаки (*Штернберг* 2003).

Поэтому если говорить о "непреходящести" как о главном критерии татуировки, то, помимо введения под кожу красящих веществ, к ней следует причислять и многие другие необратимые манипуляции с человеческими телами, вроде шрамирования, намеренного выбивания зубов или даже ритуальных ампутаций. К этому же ряду явлений могут быть отнесены такие действия, как прокалывание и прижигание тела.

Часто "неизгладимые знаки" появлялись при прохождении обрядов посвящения. Неслучайно, характеризуя обряды перехода, Арнольд ван Геннеп писал, что в обществах традиционной культуры с человеческим туловищем обращаются как с куском дерева, надрезая и нещадно "исправляя" его; выступающие части могут быть отрезаны, ровные поверхности изогнуты (*Van Gennep* 1960).

Этнографические исследования феномена татуировок у представителей традиционной культуры имеют богатую традицию (*Богораз* 2001; *Руденко* 1949; *Волкова* 1981; *Groning* 2002). Но существуют и некоторые другие источники, позволяющие приблизиться к пониманию закономерностей и масштабов распространения этого явления в предшествующие эпохи. Это данные палеоантропологии, археологии, литературные памятники древнего мира, материалы фольклористики и семиотики.

По объективным причинам археологические и палеоантропологические свидетельства татуировок исчерпывающей информации предоставить не могут: слишком недолговечна органическая субстанция. Иногда при рассмотрении костных останков возможно установить последствия глубокого шрамирования или скарификации в тех частях тела, где толщина мягких тканей крайне незначительна, например, на голове (таковы следы так называемого "символического трепанирования", спорадически возникающего в некоторых культурных традициях от верхнего палеолита до раннего средневековья) (*Медникова* 2001, 2003, 2004).

Однако в тех относительно немногочисленных случаях, когда природные условия или особенности погребального обряда способствовали мумификации и сохранению кожных покровов (как в случае альпийского "Отци", древних жителей пустыни Такла-Макан или представителей горноалтайского населения скифской эпохи), материал,

Рис. 1. "Солярный" знак татуировки на лице мужской мумии из пустыни Такла-Макан (Mair V. Mummies of the Tarim Basin // Archaeology. 1995. Vol. 48. № 2. P. 28)

попадающий в руки исследователей, более чем красноречив. Так, открытые уже более полувека назад татуировки пазырыкцев Алтая в свете новых уникальных находок 1990-х годов, получают новую интерпретацию. Они аргументированно рассматриваются не только как часть богатых традиций изобразительного искусства, созданного этим населением, но и как "сакральный текст", воплощение высшей племенной мудрости и наследие священных предков (Полосьмак 2001).

Не исключено, что значительная часть населения Старого Света практиковала манипуляции с человеческим телом и наносила татуировки. Вместе с тем эта традиция не была повсеместной и, возможно, встречала неприятие и противодействие. Ниже мы попробуем выделить те моменты культурно-исторического развития, когда идея необратимых изменений тела стала восприниматься негативно. Это поможет лучше понять мотивацию представителей традиционного общества, претерпевавших болезненные, но, по-видимому, весьма важные для них вторжения в собственную природу.

Письменные источники о татуировках древности. Свидетельства манипуляций с телом можно усмотреть в некоторых статьях законов Хаммурапи. Например, § 215 говорит о медицинском воздействии: "Если врач сделал человеку надрез бронзовым ланцетом и исцелил человека или на виске человека сделал надрез бронзовым ланцетом и исцелил глаз человека...". В других пунктах говорится о загадочных "рабских знаках" – может быть, особых прическах или даже самих татуировках. § 226 констатирует: "Если цирюльник без ведома хозяина рабский знак чужому рабу сбрил, этому

Рис. 2. Татуировка на теле "вождя" из второго Пазырыкского кургана (Руденко 1953. С. 137)

цирюльнику должны отрезать руку" (История Древнего Востока 2002: 184, 185). По всему видно, что в "вечном обиталище царственности", которым был провозглашен Вавилон, причинение телесного вреда наказывалось адекватной манипуляцией, т. е. казнью было повреждение тела провинившегося.

Одним из важнейших литературных памятников, вобравшим в себя огромный пласт сведений о повседневной жизни народов древнего Востока, является Библия. Есть там и упоминания о татуировках, но для того чтобы это понять, иногда приходится сравнивать переводы священных текстов на разные языки.

Например, в русском переводе Ветхого Завета приведены слова Исайи (44, 5):

Один скажет: "я Господень",
Другой назовется именем Иакова;
А иной напишет рукою своею: "я Господень",
И прозовется именем Израиля.

В новом переводе Библии на английский язык эта фраза имеет совершенно иное значение: «Этот человек скажет: "Я человек Господа"... другой напишет имя Господа на своей руке» («This man will say, "I am the Lord's man"... another shall write the Lord's name on his hand»). Неудивительно, что англоязычные ученые используют слова Исайи как косвенное свидетельство использования татуировки народом Израиля в I тысячелетии до н.э. (Jones 2000).

"И сделал Господь (Бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его" (Бытие 4,17). Некоторые читатели Библии на английском языке также предпочитают интерпретировать в этом отрывке божественное проклятие как вполне материальный знак на теле (MacQuarrie 2000: 35).

Гораздо более определенную информацию содержит третья книга Моисеева.

"Ради умершего не делайте надрезов на теле вашем, и не накалывайте на себе письмен. Я Господь (Бог ваш)" (Левит 19, 28). Из этого отрывка становится совершенно ясно, что в языческой традиции, предшествовавшей иудаизму, было принято обозначать траур по покойному манипуляциями с телом. Подобная практика весьма широко распространялась по миру еще в самое недавнее время. В частности, она была неоднократно описана у австралийских аборигенов варрамунга, у которых подобное поведение было тесно связано с их религиозными представлениями.

Красочное описание погребальных обрядов австралийских аборигенов оставили еще ранние исследователи Спенсер и Гиллен. "Все мужчины, принадлежащие к определенной категории родства по отношению к умирающему, стали наносить себе каменными ножами глубокие раны в бедро, в то время как некоторые из женщин резали кожу у себя на голове заостренными концами своих копательных палок, пока кровь не потекла по их лицу. Плач и вопли продолжались, пока не наступила действительная смерть, после чего вся сцена возобновилась, мужчины и женщины бросались на тело, мужчины ножами наносили себе раны, женщины палками резали свои собственные головы или головы других женщин. ...Весь следующий день был заполнен траурными церемониями. Все мужчины, находившиеся с умершим в определенной степени родства, лежали с раскрытыми ранами на бедрах. Некоторые из них срезали свои волосы и сжигали их, а головы смазывали глиной, в то время как другие срезали свои бороды... Многие из женщин должны были, как того от них требовал обычай, наносить себе своими палками раны в голову, и, если они этого не делали как следует, они рисковали получить должное наказание от своих братьев" (Народы мира 1916: 131).

Если подобными представлениями руководствовались древние жители Ближнего Востока, неудивительно, что сторонники новой религии (иудаизма) вели упорную борьбу с местными траурными церемониями. Тема неизгладимых знаков вновь и вновь возникает в голосах ветхозаветных пророков.

"И будет вместо благовония зловоние,
и вместо пояса будет веревка,
и вместо завитых волос плешь,
и вместо широкой епанчи узкое вретиче,
вместо красоты клеймо" (здесь и далее курсив мой. – М.М.) (Исайя 3, 23).

"И умрут великие и малые на земле сей; и не будут погребены, и не будут оплакивать их, ни *терзать себя*, ни стричься ради них" (Иеремия 16, 6).

"У каждого голова гола, и у каждого борода умалена; у всех *на руках царяпины* и на чреслах вретище" (Иеремия 48, 37).

В пророчестве о грядущем конце: "Тогда они подпояшутся вретищем, и обоймет их трепет; и у всех *на лицах будет стыд*, и у всех на головах плешь" (Иезекиль 7, 18).

Итак, священные тексты Библии, порицая траурные обычаи народов Ближнего Востока, связанные с причинением себе увечий, в то же время сообщают нам о живучей, устойчивой традиции наносить "клеймо", "письмена", "царяпины" в знак скорби по умершему. Судя по всему, во II-I тысячелетиях до н. э. этот обычай был широко распространен в Палестине и Восточном Средиземноморье. Траурные церемонии вообще весьма консервативны. Покойный, отправляясь в мир иной, должен был получить "все, что ему положено". Если необходимые процедуры соблюдены, он станет "предком" и защитником для оставшихся на земле представителей своего рода. Ну, а если традиция нарушена? Если умерший не был должным образом оплакан и сопровожден в царство мертвых? Серой тенью будет он скитаться среди людей и может из потенциального защитника превратиться в мстителя. Подобного рода соображения побуждали к крайне скрупулезному соблюдению погребальных обрядов. Фигура плакальщика здесь далеко не последняя. И если скорбящий по покойному наносил на свое тело неизгладимый знак, он отправлял ритуал, необходимый, в его представлении, для благополучия оставшихся живых. Поэтому мы можем допустить, что проповеди ветхозаветных пророков, запрещавшие плакальщикам терзать свое тело на похоронах, наносить шрамы и наколки, долгое время оказывались неэффективными.

А что же писали о татуировках светские авторы древнего мира?

"Отец истории" Геродот представил читателям всю необходимую информацию об известных ему народах второй половины V в. до н.э., практиковавших татуировку. Говоря о фракийцах, населявших юг Болгарии и европейскую часть нынешней Турции, он замечает: "Татуировка [на теле] считается у них [признаком] благородства. У кого ее нет, тот не принадлежит к благородным. Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника. Таковы самые замечательные их обычаи" (*Herod. V, 6*). Если доверять Геродоту, особенно богато украшали тело татуировками представители фракийского военного сословия.

В комментарии к этому отрывку античного автора у переводчика на русский язык Г.А. Стратановского читаем: "Обычай татуировки был общим у фракийцев со скифами. Татуировка, вероятно, была первоначально магическим средством охотников для привлечения дичи" (*Геродот 2001: 658*).

Впрочем, некоторые другие современные исследователи, читая Геродота, извлекают из его текстов иную информацию. Так, профессор Гарвардского университета К.П. Джонс главным в тексте "первоисторика" считает противопоставление тех, кто маркирован знаками на теле [estichthai], и тех, кто в силу низкого происхождения не может быть помечен [astikton] (*Jones 2000: 4*). Особое внимание при этом обращается на татуировку у фракийских женщин. Многие образцы греческой керамики, и прежде всего изготовленной в Афинах, рисуют фракийских женщин с татуировкой на руках и ногах. Эти изображения обычно ассоциируются с безумными менадами, убившими поэта Орфея.

Рис. 3. Татуировка на теле фракийской женщины. Фрагмент греческого сосуда из Британского музея (Jones 2000. P. 3)

Другой греческий миф повествует о фракийском царе Ликурге. На иллюстрациях к мифу изображен кратер для вина из коллекции Британского музея (Апулия, ок. 350 г. до н.э.) и на нем татуированные женщины (Там же: 3). Анонимный античный источник IV в. ("Двойные аргументы"), на который ссылается К.П. Джонс, сообщает "для фракийских женщин быть помеченными [stizesthai] – украшение, но для большинства народов – это наказание преступников".

Замечу от себя, что подтверждающие эту информацию изображения на греческих сосудах связаны с сюжетами вакхического культа. Поэтому обратимся к фигуре само-

го бога Диониса – в греческой мифологии олицетворения плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства. Изначально Дионис – как раз фракийского и лидийско-фригийского происхождения. Его родина на Востоке, а не в Греции. Может быть, поэтому, как заметил А.Ф. Лосев (1998: 190), в мифах Дионис как божество земледельческого круга часто противопоставит Аполлону, божеству родовой аристократии.

Итак, кому же верить: тем интерпретаторам Геродота, согласно которым скорее должны быть татуированы наиболее уважаемые у фракийцев мужчины-воины, или рисункам на греческих амфорах и кратерах, где татуированы женщины фракийского происхождения из свиты Диониса?

Это вопрос достаточно важный, поскольку менады, связанные с культом плодородия и земледелия, "презренного занятия" по Геродоту, все же были татуированы. Единственное объяснение противоречащим друг другу источникам состоит в том, что, по представлениям греков, на поздних этапах распространения земледельческого культа Диониса к нему примыкают представители правящей верхушки, и на сосудах изображены под видом вакханок жительницы Фракии благородного происхождения.

До нас не дошли свидетельства самих фракийцев, зачем они делали татуировки: чтобы украсить себя, в религиозных или медицинских целях. Но, по мнению К.П. Джонса (Jones 2000), в обществе, где доминировали мужчины, наколка у женщин не могла быть просто декоративной, она должна была быть тесно связана с социальным статусом семьи или клана. Другая возможная функция – обозначение принадлежности особой культовой группе.

Теперь обратимся к рассказу еще одного автора, греческого писателя Клеарха Соллийского. Бывший ученик Аристотеля весьма своеобразно описывает обычаи причерноморских скифов и то культурное влияние, которое они оказали на своих соседей: «Предавшись роскоши и притом весьма сильно и устремившись первыми из всех людей к тому, чтобы жить роскошно, они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов. Потомки этих людей, удалившиеся с родины, еще и ныне имеют прозвище от того, что те претерпели. Женщины же их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и северу, накалывая рисунки булавками. Отсюда много лет спустя пострадавшие и униженные таким образом женщины фракийцев особым образом изгладили следы несчастья, расписав и остальные части тела, чтобы бывшие на них знаки насилия и стыда, войдя в состав разнообразных рисунков, именем украшения изгладили позор. Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение "от скифов", показывающее, каково оно было. Итак, вследствие множества постигших их несчастий, когда от печали они одновременно уничтожили удобства жизни и обрезают кругом волосы, все чужие народы назвали стрижку всего народа, делаемую в знак испытанного насилия, "оскифиться"» (цит. по: Латышев 1993: 254).

Однозначная интерпретация этого текста, по-видимому, не представляется возможной. Из приведенного отрывка ясно, впрочем, что не слишком симпатизирующий скифам уроженец г. Сол знает о распространении татуировок среди фракийских женщин; что на появление данного обычая у фракийцев вроде бы повлияли скифы; что первоначально наколка, как и острижение волос, связаны с горем и унижением (к этому мы еще вернемся).

Тексты Геродота и Клеарха были написаны до нашей эры. Но и спустя столетия, во II веке н. э., грек Дио Хризостом записал: "Во Фракии свободные женщины покрыты

татуировками, и чем выше их ранг, тем больше они их имеют. И, значит, царица может быть татуирована, и царь тоже. Властители украшают себя такими символами как корона и скипетр, чтобы заявить свой высокий статус, подобно тому, как собственник выжигает клеймо на теле принадлежащего ему скота" (цит. по: *Jones 2000: 14*).

Теперь немного о терминологии. В греческих словах, описывающих обычаи фракийцев украшать свое тело, выделяется корень *stig-*. Отсюда производят слово "стигма", вошедшее в современные языки, включая русский, где оно обычно обозначает выжженное клеймо (у преступника), шрам или рубец. А вот в VI в., во время правления императора Юстиниана, практиковавший в Александрии и Константинополе врач Этий записал в своей медицинской энциклопедии "Тетрабиблоне": "Они называют стигмами письмена на лице или некоторых других частях тела, например, на руках у солдат, и для этого они используют следующий рецепт чернил... Накальывая избранное место иглами, давая стечь крови и натирая сперва соком из луковицы, а затем приготовленной жидкостью... В случае, если мы хотим удалить такие стигмы... сперва очищаем стигмы селитрой, смазываем канифолью из терпентинного дерева и завязываем на пять дней... Стигмы исчезнут за двадцать дней без особого изъязвления, и шрама не останется" (Там же: 5). Благодаря столь подробному письменному свидетельству становится совершенно очевидно, что древние греки и римляне понимали под стигмами обычную татуировку-наколку, а вовсе не выжженные клейма, как мы.

Итак, мы выяснили, что имели в виду античные писатели, говоря о знаках и стигмах. Теперь послушаем, что они писали о нравах современных им "варварских" племен.

В начале IV в. до н.э. Ксенофонт (Там же) описывает у одного из причерноморских (западнокавказских) племен, которое он называет "обитателями башен" (*Mossynoikoi* – моссиники или моссины), традицию татуировать "спереди и сзади" детей из хороших фамилий, изображая цветы.

Поздний римский автор Геродиан пишет о племенах, населявших Шотландию: "Эти люди накальвают на тело разные орнаменты и изображения животных всех видов. И поэтому они не носят одежду, дабы не скрыть украшения на их телах". Учитывая шотландский климат, последнее утверждение выглядит излишне категоричным. По-видимому, население британских островов широко применяло боевую раскраску. По словам Цезаря, синеватый цвет, в который британцы окрашивали тела, делал их появление в бою особенно ужасным (*MacQuarrie 2000: 34*).

Во всех перечисленных выше случаях речь идет о вполне традиционных, достаточно декоративных, хотя и статусных знаках на теле. Но есть и другие письменные свидетельства, в которых речь идет также о татуировках, хотя это не столь очевидно на первый взгляд.

"В устье Нила... на берегу стоял (да поныне еще стоит) храм Геракла – убежище для всех рабов, которые бежали от своих господ. Если раб, чей бы то ни было, убежит сюда и посвятит себя богу наложением священных знаков, то становится неприкосновенным" (*Herod. II, 113*).

В эллинистический период практика нанесения "священных стигм" на запястье зафиксирована античными авторами у жителей Сирии (*Jones 2000*). В папирусе середины II в. до н.э. описываются отметины "в виде двух варварских букв" на правом запястье беглого сирийского раба, служившего до того в святилище Атаргатис. Тремя столетиями позже Лукиан в тексте о сирийской богине писал о служителях того же храма: "Все они татуированы. Некоторые на запястье, некоторые на шее, вообще у всех ассирийцев есть татуировки" (*Lucian, 59*).

В приведенной нами раньше цитате из Геродота раб нанесением сакральных знаков переходил из подчинения своему господину в собственность богу. Это "рабская татуировка", или, условно говоря, "рабское клеймение". Судя по всему, в середине I тысячелетия до н. э. явление было настолько ординарным, что смысл этого действия не нуждался в расшифровке. Так же не нуждались в объяснениях неадекватные, на взгляд современного читателя, действия персидского царя Ксеркса, который решил наказать пролив Геллеспонт, соединяющий Европу с Азией, за то, что тот помешал ему выступить с войной против греков.

«Когда же наконец пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают также, что царь послал палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь повелел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: "О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке..."» (*Herod. VII, 34—35*). Если исходить из перевода на русский язык, то можно подумать, что Ксеркс распорядился именно заклеить море, т. е. непонятно каким образом выжечь клеймо. Но, как подчеркивает Джонс, здесь употреблены слова, не оставляющие пространства для интерпретаций. Дословно, царь посылает татуировщиков (*stigees*) татуировать (*stixontes*) Геллеспонт. По-видимому, это было очень серьезное мероприятие и для самого правителя персов, и для его современников. Очевидно, в этом символическом наказании пролива проявилась вера в священную силу татуировки. Могущественный персидский владыка повелевает обращаться с морем как с непокорным рабом. Отсюда и прочие атрибуты – плети и кандалы.

Для греков татуировка не была исконной собственной традицией. По крайней мере, ни в литературе, ни в изобразительном искусстве упоминаний о татуировке и ее изображений вплоть до VI в. до н.э., по-видимому, нет. Источник появления татуировки у жителей полисов и самой традиции следует искать, очевидно, в той же Персии. И смысл татуировки, как у восточного соседа, – принуждение и обозначение раба. Теперь нам понятно, почему в глазах Клеарха Солийского татуировки свободных фракийских женщин – знаки позора и унижения, которые они пытаются скрыть декоративными узорами. Античный писатель просто не понимает другой мотивировки и поэтому ищет объяснения в полумифической жестокости пресыщенных скифов.

"Stigmatias" – помеченный раб, в таком контексте употребил это слово первым один поэт с острова Самос, живший в VI веке до н.э. (*Jones 2000*). Он и не предполагал, что самосцы тоже станут однажды жертвами подобного насилия...

Но в 440 г. до н.э. во время войны Самоса с Афинами татуирование военнопленных становится нормой. «Самосцы, в отмщение афинянам за их издевательство, ставили на лбу у пленных клеймо в виде совы, потому что и афиняне ставили на пленных самосцах клеймо – "самену"... На это клеймо, говорят, намекает Аристофан в стихе:

Народ самосский ввел куда как много букв» (*Плутарх 1961: 215*).

В 413 г. до н.э. афиняне потерпели поражение от жителей Сиракуз. Многие попали в плен. "Их продавали в рабство и ставили на лбу клеймо в виде лошади. Да, были и

такие, кому вдобавок к неволе привелось терпеть еще и это", – Плутарх исполнен сочувствия к побежденным и спустя четыре столетия (*Он же* 1963: 236).

Вновь подчеркнем, что использованное при переводе на русский язык слово "клеймо" правильнее заменить на "татуировку". В этих событиях V в. до н. э., если они исторически достоверны и не искажены более поздней практикой, известной летописцу, видна двойная функция наколки, символизовавшей наказание и неотъемлемую принадлежность определенному владельцу. Такое употребление татуировки мы встречаем у персов, оно широко распространилось среди самых цивилизованных их противников. То, что татуировки наносились на лоб, выглядело еще более унижительным. (Древняя средиземноморская культура была особенно ориентирована на общение "лицом к лицу". Греки черпали очень важную информацию о человеке, исходя из его внешних особенностей, отсюда научная дисциплина – физиогномика (*Gustafson* 2000: 25). Наверное, неслучайно классические для нас театральные маски родились именно в греческой среде.)

В сборнике комедий писателя II в. до н.э. Герода под названием "Мимы" есть история о свободной женщине Битинне и ее рабе Гастроне. Схваченный и приговоренный к порке Гастрон умоляет свою госпожу татуировать его (*stixon*), если он обманет ее еще раз. Битинна приказывает доставить Гастрона в городскую тюрьму для порки, но потом уступает его мольбам и вместо этого посылает за татуировщиком Косием, "с его иглами и чернилами". Когда одна из рабынь пытается заступиться за Гастрона, то получает ответ "пусть он носит надпись на лбу" (цит. по: *Jones* 2000: 8).

В античное время "письмена" на лбу жертвы были способом обнаружить непокорного раба где угодно. Скрыться с таким заметным "украшением" было непросто. При попытке уйти от хозяина наносили фразу "Останови меня, я беглец" (*kateche me, rheugo*). По словам философа-киника Биона Борисфенского, его отец был вольноотпущенником, "кто вместо лица носил знак жестокости владельца" (*Ibid*: 9).

Поскольку у греков татуировка почти всегда была наказанием, неизбежно появились искусные доктора, способные удалить без следа позорные знаки с тела, тем более с лица.

Одна из дошедших до нас историй об удалении татуировки относится к IV в. до н.э. Она сохранилась в надписи на стене святилища, посвященного Асклепию Эпидаврскому, одного из первых крупных медицинских центров Греции. Благодарные пациенты часто выражали свою признательность богу врачевания, оставляя на стенах истории болезней, от которых им удалось избавиться. Согласно одному из текстов некто Пандарий, проведя ночь в храме, избавился от татуировки на лице с помощью повязки, положенной ему на лоб самим божеством (*Ibid*: 9).

Несмотря на полумифический характер этой "истории болезни" (не исключено, что ее записали сами служители святилища) можно предположить, что жрецы храма Асклепия применяли метод сведения татуировок, много позже описанный в энциклопедии византийского врача Эттия.

С середины III в. до н.э. Греция все больше вовлекалась в орбиту растущей мощи Рима. Копирование римлянами основ греческой культуры общеизвестно. Но вот как обстоит дело с татуировками? Ведь у римлян, по-видимому, сперва не было такого обычая. Они переняли его у греков одновременно с обозначающим словом "стигма". Но параллельно использовали выражения вроде "отпечаток" (*imprint*) или "клеймо" (*brand*), имея в виду татуировку (*Ibid*: 10).

От греков римляне усвоили и отношение к татуировке как к казни провинившегося раба. Впрочем, наносить татуировки стали не только пленным или непокорным ра-

бам, но и солдатам (398 г. н.э.). Римский "военный историк" Вегетий писал, что рекрутам вводили под кожу чернильные точки в соответствии с номерами их боевых единиц (Ibid: 12).

Кроме того, латиняне активно использовали татуировки как средство казни. В римском праве каждому предопределялось наказание за преступление в соответствии с его социальным статусом. Рабы и наиболее низко стоящие свободные граждане подвергались наиболее тяжелым физическим способам казни. Представители высших социальных слоев могли быть приговорены к конфискации имущества, к поражению в избирательных правах. Но они были избавлены от наказания *металлом* (под этим словом подразумевалось татуирование).

Еще одно новшество, которое использовали римляне по сравнению с греками, – выжигание знаков на теле человека, клеймение (branding). Эта болезненная процедура была известна египтянам еще со времен Древнего Царства. У греков клеймо обозначалось словами "charagma", отсюда английское "character", т.е. собственно "знак". Другое слово, встречаемое в текстах, "kauterion" – ожог.

Если соблюдать точность, то эллинам тоже была знакома процедура каутеризации человеческого тела, но использовалась она в специфических лечебных целях и не самими греками, а варварскими народами. Гиппократ (примерно 460–377 гг. до н.э.) в трактате "О воздухах, водах и местностях" оставил в высшей степени курьезное описание скифов и их обычаев, которое мы считаем своим долгом воспроизвести подробно: "Ты найдешь большинство всех скифов, в особенности кочевников, с прижиганиями на плечах, руках и кистях рук, на грудях, на бедрах и на пояснице, и это только по причине влажности природы и слабости. Действительно, они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик. Когда же они прижигаются, тогда из членов высыхает обилие влаги, и их тела делаются здоровее, способнее к питанию и более гибкими" (Гиппократ 1994: 299).

Оставим на совести Гиппократа рассуждения о слабосилии скифов. Но что он имел в виду, говоря о прижиганиях? Мы уже знаем, что в Сибири найдены мумии татуированных представителей племен скифского круга. Но поскольку в V в. до н.э. понятие "татуировка" было уже хорошо известно грекам, в этом тексте, по-видимому, имеется в виду именно каутеризация.

И здесь нам на помощь вновь приходит Геродот с сообщением о прижиганиях, распространенных в Северной Африке, где они производились в профилактических целях, "для укрепления здоровья".

"Эти-то ливийские кочевники – все ли они (я не могу утверждать достоверно), но во всяком случае многие – поступают с детьми вот как: четырехлетним детям они прижигают грязной овечьей шерстью жилы на темени (а некоторые даже на висках). [Это делается для того], чтобы флегма, стекающая из головы в тело, не причиняла им вреда во всей дальнейшей жизни. Поэтому-то они, по их словам, исключительно здоровы. И действительно, насколько мне известно, ливийцы отличаются наилучшим здоровьем среди всех людей" (Herod. IV, 187). Такая забота о детях одного возраста побуждает нас вспомнить об инициациях. Ведь зачем, в конечном счете, ребенка, позже подростка, посвящают в тайны мира взрослых? Чтобы, выдержав ритуальные испытания, он был здоров, благополучен и укреплял своим благополучием могущество своего рода. Вот и получается, что "лечение прижиганием" очень похоже по смыслу на некоторые разновидности татуировок. А если основываться на данных палеоантропологии, традиция наносить глубокие шрамы на голову в строго определенных местах существует уже у некоторых кроманьонцев (Медникова 2003).

Итак, в римское время помимо собственно татуировок появляется клеймение (прижигание тела) среди граждан империи. Авторы из Восточного Средиземноморья сообщают в этот период о добровольном нанесении себе клейма некоторыми религиозными фанатиками, например, последователями богини Атаргатис в Сирии.

Из античного мира образы татуировок плавно переходят в раннехристианскую литературу. В шестом послании к галатам проповедующий христианство Павел говорит о своей неуязвимости, куда несет знаки Господа Иисуса на теле своем (Gal. 6, 17). Этот отрывок традиционно вызывал споры: имеется ли здесь в виду настоящая татуировка или выжженное клеймо как символ высшего подчинения и самоотречения. Если верить "Британской энциклопедии", Павел действительно имел на теле "неизгладимые знаки". В то же время, есть ученые, считающие это выражение сильной метафорой, в переносном смысле передающей значение "раб Христа". И такое толкование тоже имеет право на существование. Апостол Павел долго путешествовал по Сирии, где мог познакомиться с языческой практикой религиозных татуировок. Он, вероятно, использовал образ священной стигмы как литературный прием в своей проповеди, и этот образ был понятен его слушателям. Появившиеся позже богословские толкования усматривают связь этого высказывания с идеей причастности к страданиям Христа и даже говорят о самобичевании.

В Синодальном переводе Библии на русский язык греческое слово "stigmata" заменено словом "язвы": "Впрочем, никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем". По мнению некоторых комментаторов, руки и ноги апостола были отмечены ранами, наподобие ран Христовых.

В Откровении Иоанна Богослова (17,1) отрывок о великой блуднице некоторые исследователи тоже связывают с интересующей нас темой: "...и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным...".

Падшая женщина из экспрессивного текста Иоанна обычно интерпретируется как олицетворение Рима. Но, как подчеркивает К.П. Джонс, она изображена не просто как блудница, а как самая ничтожная рабыня, на лице которой запечатлены все следы ее прегрешений, в полном соответствии с античной традицией (Jones 2000: 10).

В правление императора Константина начинают складываться новые нормы поведения, пронизанные тем, что теперь называются христианской моралью. Влияние собственно античной традиции ослабевает, и, напротив, усваиваются некоторые ветхозаветные идеи, перешедшие от иудеев.

Вспомним тексты Библии, с которых мы начали настоящий раздел. Почему Левит запрещает татуировки, ведь они – очевидный и наглядный способ оплакать умершего? Одно объяснение мы уже предложили – это борьба с древней магией. Другая возможная причина запрета: человеческое тело создано Богом и является его подобием, поэтому татуировка – кощунственное вмешательство и искажение образа божественного создания. Идея оказалась очень близка ранним христианам и, со временем трансформировавшись, в частности, привела к полному отказу от хирургической помощи при средневековых монастырях. Церковь заботилась о спасении души, а не о спасении тела, предпочитая скальпелю травяной настой.

А император Константин издал закон (316 г.), в котором повелел не наносить более татуировку на лоб закоренелым преступникам, а только на плечо или запястье. Это

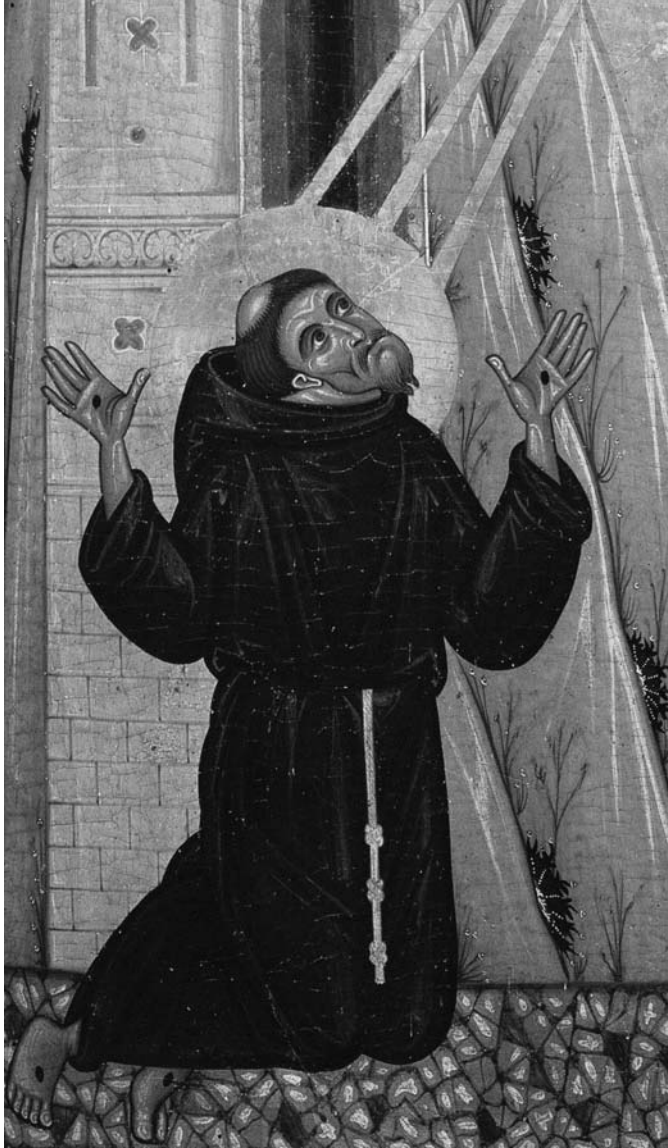

Рис. 4. Стигматы св. Франциска Ассизского (Италия, XIV в.). По преданию, Франциск настолько отождествлял свою жизнь со страданиями Христа, что на его теле проступили раны, символизировавшие Распятие (Панорама средневековья: Энциклопедия средневекового искусства/Ред. Р. Бартлетт. М.: Интербук-Бизнес, 2002. С. 89)

было сделано для того, чтобы не нарушить образ божественной красоты, каковым является лицо (Ibid: 13).

Вообще поздняя Римская империя в период распространения христианства демонстрирует много противоречивых письменных свидетельств об использовании татуировок.

В конце 250-х годов, во времена гонений императора Валериана, африканский епископ Киприан писал к христианам, сосланным на нумидийские рудники. Его дьякон и биограф Понтий позже вопрошал: "Кто были они... приговоренные к вторичной татуировке на лбу [frontium notatarum secunda inscriptione signatos]?" Исходя из этого, американский специалист по позднеимперской литературе Марк Густафсон предположил, что свою первую татуировку в годы гонений при Валериане ранние христиане воспринимали как знак крещения, и символ этот был сокрыт от непосвященных (Gustafson 2000: 18).

Получается, что исказить божественный образ можно было первоначально лишь нанесением наколки на лицо, а нанесение стигм на другие части тела использовалось христианами в момент наивысшего приобщения к религии так же, как религиозные татуировки применялись до этого в Сирии и Египте. Значит, запретам Ветхого Завета ранние христиане предпочли проповедь апостола Павла.

В то же время римским императорам было трудно отказаться от татуировок на лице как от средства казни. Чем другим объяснить отрывок из послания епископа Хилари, направленный против императора Константина II (ок. 360 г.): «Жалоба хорошо известна: ...они [епископы] были татуированы надписями на их католических лбах (in ecclesiasticis frontibus scriptos) и обесчещены словами "приговорены к рудникам"». И это происходило уже после запрещения трогать лицо в качестве наказания (Ibid: 18).

В 373 г. император Валенс приговорил дьякона римского первосвященника к тяжелой работе на медных рудниках в Палестине. Спустя 80 лет христианский историк Феодорит записал, что на лбу дьякона был выжжен священный крест (epi metorou characteras) (Ibid: 19).

И все же в конце римской эпохи гуманизм победил. В своде законов 438 г. можно прочитать: "Если кто-либо приговорен к гладиаторской школе или к рудникам за преступление, пусть не наносят ему знаки на лицо, а только на руки; и так его лицо как подобие божественной красоты не пострадает".

Итак, подведем некоторые итоги. Памятники древней письменности неоднократно говорят о татуировках, значит, традиция была широко распространена в Старом Свете. Так же очевидно, что и применялась она в разных целях. В странах Ближнего Востока татуировка и шрамирование – традиционные спутники траура по покойному. Особые знаки могли наноситься служителям некоторых религиозных культов. У персов, греков, римлян татуировка обозначала деградацию и понижение социального статуса. Напротив, у современных им балканских и причерноморских "варварских" племен, у кельтов неизгладимые знаки на теле служили подтверждением высокого положения в обществе.

В заключение этого раздела обратимся к материалам Дальнего Востока, культурные традиции которого обнаруживают иногда поразительные аналогии с античным миром.

В китайской "Хронике трех царств", написанной в конце III в. н.э., сообщается о том, что обитатели Японского архипелага наносили татуировку, которая покрывала все их тело, для того чтобы избежать проклятия бога моря. Это сообщение подтверждается находками глиняных статуэток с некими рисунками на лице. Сами же жители Поднебесной, вплоть до 167 года, татуировали преступников и рабов (цит. по: Мещеряков 2004: 478, 479). Возможно, здесь лучше опираться на рассказ известного писателя и дипломата Ван Гулика: "В истории поздней династии Хань (25–220 г.), написанной около 445 г., упоминается, что народ ва, и мужчины, и женщины, татуируют лица

и украшают тела в соответствии со своим статусом". Глиняные фигурки вообще принадлежат культуре Дземон (10000–300 г. до н.э.). (цит. по: *Takahiro Kitamura* 2003: 14).

Так вновь возникает противопоставление "цивилизованного мира", где татуировка служит унижением и наказанием, и мира "варварского", того, где татуировка – оберег, украшение и знак отличия.

Свидетельства средневековых летописцев. Письменные свидетельства, оставленные средневековыми авторами, – важный исторический источник, хотя, конечно, тоже не все упоминаемое в этих текстах заслуживает абсолютного доверия. Среди летописцев раннего средневековья – писатели, продолжающие описывать жизнь на руинах Римской империи, и представители совсем иной культурной традиции, крепнущего арабского Востока.

По сообщению Боэция, в 523 г. остготский вождь Теодорик в наказание двум жуликам повелел, "если они сами не покинут Равенну в указанное время, будут татуированы на лбу и изгнаны" (*Gustafson* 2000: 20). Как видно, варвары-завоеватели вполне восприняли в этот момент античную традицию наказания.

В жизнеописании почитаемой на Британских о-вах св. Бригиты есть упоминания о неких "знаках дьявола" (*stigmatibus malignis* или *signa diabolica*), от которых Бригита помогает избавиться язычникам, наставляя их на путь истинный. Историк Ч. МакКуэрри считает, что речь идет о племенных татуировках, распространенных среди ирландцев в раннем средневековье (*MacQuarrie* 2000: 32). Около 750 г. комментатор Библии из Кентербери записал, имея в виду современные ему ирландские обычаи: "Знаки: это то, что вы делаете, татуируя на ваших телах драконов и змей, как многие люди делают". В 786 г. папский легат докладывал в Рим о дьявольских татуировках среди островитян. Сейчас считается, что не только кельты, но и англо-сакские язычники, т.е. германцы по происхождению, населившие в середине I тысячелетия Нортумбрию и более южные земли, тоже расписывали и разукрашивали тело. В "Хрониках королей Англии", написанной в XII в. Уильямом Мэйлбэри, о тех временах сообщается, что кожа людей была покрыта наколками (*Meaney* 1992).

Среди наиболее авторитетных свидетельств о татуировках – записки Ахмеда Ибн Фадлана, путешествовавшего с посольством аббасидского халифа Аль-Муктадира в Волжскую Булгарию: "...я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и расположились (высадились) на реке Атиль... Они не носят ни курток, ни хафтанов, но носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок... И от края ногтя (ногтей) кого-либо из них (русов) до его шеи (имеется) собрание деревьев и изображений (вещей, людей) и тому подобного..." (Путешествие Ибн Фадлана 1939: 55). В комментариях переводчика А.П. Ковалевского к этому отрывку высказывается мнение, что слово "изображения" имеет достаточно узкий смысл. "Собрание деревьев" – скорее всего означало растительный орнамент; "изображения" – фигуры животных, людей и т.п.

По-видимому, описания арабского источника объективно отражают традицию нанесения татуировок, принятую у мужского населения в северогерманских племенах.

Теперь перенесемся в столицу тогдашнего цивилизованного мира Константинополь, проделаем свой путь "из варяг в греки".

Византия унаследовала от Рима, Греции (а если смотреть еще глубже – от Персии) отношение к татуировкам как к наказанию и символу ограничения, несвободы. Мы как наследники Византии, и шире – европейский христианский мир как наследник античного в целом, восприняли "неизгладимые знаки" именно таким образом, совместив вместе понятия стигмы и каторжного клейма. Уже при императоре Константине, как

можно убедиться, на античное восприятие татуировки, как чего-то постыдного, наслонились близкие взгляды ранних христиан, воспитанных на страстных проповедях библейских пророков. Что же удивляться, что для глубоко верующего христианина насильственное нанесение татуировки могло стать свидетельством особо циничного глумления?

В IX в. император-иконоборец Феофил (829–842 гг.) наказал монахов Феодора и Феофана, осужденных за идолопоклонство, точнее, за поклонение иконам. По словам византийского летописца (Zonaras), сперва братья были сильно избиты, потом татуированы (katestixe) с помощью чернил, и письма покрыли их лица. На лбу у каждого было вытатуировано стихотворение из 12 строк, описывавшее "преступление" и наказание несчастных. Позже Феофор и Феофан были канонизированы (Gustafson 2000: 20–21).

Итак, в раннем средневековье, судя по письменным источникам, сохраняется противопоставление, заметное еще в эпоху эллинизма. В цивилизованных странах – татуировка, как правило, жестокое наказание, в варварском мире – средство украсить себя. Но, по-видимому, обе традиции восходят к древней архетипической вере в действенность манипуляций со своим телом. Поэтому так ужасна татуировка на лбу раба или преступника – она освящена вниманием сверхъестественных сил. Поэтому так прекрасна татуировка на теле скифа, фракийца, кельта или руса – она не просто украшает, а оберегает своего владельца, демонстрируя всем его статус и могущество рода.

Для того чтобы понять общую основу любых мотиваций в обращении человека со своим телом, нам предстоит соотнести два главных понятия: "тело" и "текст".

Культура до культуры. Текстами как знаковой системой занимается семиотика. Поэтому обратимся сперва к трудам Ю.М. Лотмана (2001: 364): "Накопленные археологией свидетельства рисуют поистине удивительное зрелище. Перед нами – тысячелетняя картина сменяющих друг друга цивилизаций, создавших мощные строительные сооружения и ирригационные системы, воздвигавших города и огромных каменных идолов, имевших развитое ремесло: гончарное, ткаческое, металлургическое, более того, создавших, вне всякого сомнения, сложные системы символов... и не оставивших никаких следов наличия письменности. Факт этот остается до сих пор необъяснимым парадоксом... Исторический опыт показывает, что бесследное уничтожение в таких масштабах не под силу никакому завоевателю. Остается предположить, что письменности не было".

По Ю.М. Лотману, письменность – это форма памяти. Причем мы запоминаем (и записываем) исключительные события, те, которые случились впервые или вообще не должны были случиться. Новостями наполнены не только наши газеты, но и старые летописи. Память такого типа ориентирована на количество эксцессов и происшествий. Культура такого рода постоянно умножает число текстов. Внимание к причинно-следственным связям и результатам образует тот феномен, который Ю.М. Лотман назвал "письменным сознанием".

Имеется другой тип памяти – стремящийся сохранить сведения о порядке, а не о его нарушениях, о законах, а не об эксцессах. Культура, ориентированная не на умножение числа новых текстов, а на повторное воспроизводство текстов, требует другого устройства коллективной памяти. Роль текста здесь выполняют так называемые мнемонические символы – природные (деревья, скалы, небесные светила) и созданные человеком (идолы, курганы, архитектурные сооружения).

Вспомним повторяющиеся элементы рисунков на телах алтайских скифов (они же – на одежде, конской упряжи, оружии) и, вслед за Н.В. Полосмак (2001), добавим такие

татуировки к категории мнемонических символов. Ю.М. Лотман заметил, что "бесписьменная" память сакрализована и освящена ритуалами. Мнемонический (сакральный) символ не может существовать без обряда. Если следовать этой логике, в бесписьменной традиции нанесение татуировок и прочих меток невозможно без связи с ритуалом.

По Лотману, устная культура ослабляет синтаксическую основу, на которой покоится словесный текст, до предела. Поэтому она использует большое число символических знаков низшего порядка, стоящих почти на грани письменности. "Знаки эти не следует смешивать с иероглифами или буквами, поскольку последние тяготеют к определенной семантике и обретают смысл лишь в синтагматическом ряду, образуя цепочки знаков. Первые же имеют значение размытое, часто внутренне противоречивое, обретают смысл в отношении к ритуалу и устным текстам, мнемоническими знаками которых являются. Иная их природа проявляется при сопоставлении фразы (цепочки языковых символов) и орнамента (цепочки магико-мнемонических и ритуальных символов). Развитие орнаментов и отсутствие надписей на скульптурных и архитектурных памятниках в равной мере являются характерными признаками устной культуры. Иероглиф, написанное слово или буква и идол, курган, урочище – явления, в определенном смысле, полярные и взаимоисключающие. Первые обозначают смысл, вторые – *напоминают о нем*" (Лотман 2001: 368).

На первый взгляд, мнемоническое значение татуировок у представителей дописьменной цивилизации не должно вызывать сомнений. Но остается вопрос: почему рисунки наносили на тело, а не только на одежду или украшения? Зачем терпеть такие мучения? Наверное, стоит подумать о том, что дано нам от природы.

Природный язык тела. Сейчас в любом книжном магазине нас подстерегают на полках пособия психологов, обучающие "искусству видеть человека насквозь, ориентируясь на тончайшие нюансы его облика". Автор одной из таких книг С.С. Степанов (2004) (про "искусство" взято мною из ее подзаголовка) рассматривает целый комплекс бессловесного языка внешности: жесты, мимику, черты лица и одежду современного человека. Тема эта в последнее время вызывает особый интерес, причем вполне практического свойства.

В обобщающих работах М.Л. Бутовской (напр., 2004) рассматривались эволюционные основы языка тела у человека. Многие особенности физического облика и поведения у нас общие с другими приматами, и сравнительные исследования помогают лучше понять собственную природу.

Зрительный канал общения связан с нашей особенностью воспринимать мимику и жесты. Основное внимание обращается на лицо собеседника. Анализируя работы этологов, можно, кроме того, сделать вывод, что в процессе общения человек обращает особое внимание на демонстративные сигналы возможной агрессии. Особенно информативными частями лица с этой точки зрения являются рот (губы), язык, зубы. Заметим, что именно они чаще всего подвергаются необратимым манипуляциям у представителей традиционных культур.

Теперь посмотрим, каков природный язык других отделов тела. По словам М.Л. Бутовской, на протяжении всей своей эволюции человек умел понимать и оценивать эмоциональное состояние соплеменников по спонтанным движениям их туловища, рук и ног.

И, наконец, мы добрались до самого главного – так называемых автоадапторов. Под ними этологи подразумевают манипуляции с телом, понимая под этим термином сам процесс, а не конечный результат.

Как пишет М.Л. Бутовская, в состоянии стресса люди часто почесывают голову, кусают губы или грызут ногти. Эти движения могут переходить в демонстративную категорию и превращаться в ритуалы, т. е. происходит "смещение активности". Скажем, поведение плакальщиц, рвущих на себе волосы и царапающих лицо, попадает в эту категорию. (Следовательно, авторы Ветхого Завета, с запретами которых мы познакомились выше, выступали против сознательной или подсознательной имитации стрессовой ситуации.)

Даже самое поверхностное знакомство с работами специалистов по поведению человека приводит к заключению, что наше тело обладает выразительным природным языком. Некоторые структуры обладают особым значением для выражения состояний угрозы, они же, по-видимому, играют ведущую роль в установлении мирного общения и взаимодействия. Этология способна объяснить возникновение даже таких сложных процедур как манипуляции с телом. Но в контексте этой науки манипуляции рассматриваются как динамический процесс. Нас же больше интересует конечный результат этих действий – появление статических знаков, приобретающих в рамках общечеловеческой культуры независимое информационное и эстетическое значение.

Управляю телом – управляю мирозданием. Мирче Элиаде был склонен противопоставлять способ мышления "архаического человека" и человека современного. По его мнению, в архаической мысли "ничто лучше не обеспечивает успеха в созидании (будь то деревня, дом или ребенок), чем копирование космогонического творения... Символическое повторение творения означает повторение событий мира, а значит, и присутствие на земле Богов и их созидательной силы" (Элиаде 2002: 16). Напротив, оригинальность и новизна современного человека по отношению к традиционным культурам заключается в его стремлении рассматривать себя как существо исключительно историческое, жить в радикально десакрализованном Космосе, т. е. рациональном и потерявшем священный статус. По словам Ю.М. Лотмана (2001), история – вообще один из побочных результатов возникновения письменности.

Для представителей традиционных культур, к которым, без сомнения, можно отнести и народы давно ушедшей древности, человеческое тело являло собой основу мироздания, ту матрицу, которая порождала организацию мирового порядка. Неслучайно антропоморфное тело гиганта – основа для создания небесных светил, частей света и разных стихий (напр., первочеловек Пуруши в индийской мифологии, великан Имир – в скандинавской, Пань-гу – в китайской).

"Воссоздание мифа" и происходило во время ритуалов посвящения. Человеческое тело полагалось "доделать", чтобы оно соответствовало своему новому общественному состоянию. Ведь чтобы стать подлинным человеком, необходимо тоже походить на мифическую модель.

Итак, на определенном этапе общественного развития универсальным становится представление об антропоморфном строении вселенной. Но раз тело – матрица вселенной, меняя его, можно изменить порядок вещей. Или, скорее, сохранить, ведь, как мы убедились с помощью признанных авторитетов, человек дописьменной, архаической культуры весьма консервативен. Он готов на любые, в том числе физические, страдания, лишь бы поддержать изначальный закон бытия, каким он себе его представляет.

Этологи говорили о членовредительских манипуляциях с телом как о некоем смещенном продолжении инстинктивных эмоциональных действий (Бутовская 2004). Но знаки от многих операций остаются навсегда, мало того, они превращаются в самодостаточную ценность, в неподвижный и неизменный мнемонический символ. Попробу-

ем в самом общем виде понять, какую смысловую нагрузку они несут, поддерживая прочность мировой конструкции.

Мы некоторое внимание уделили природному языку тела. Теперь можем убедиться, что в момент испытаний те органы, которые играют особую роль в процессе социального общения, подвергаются особо интенсивному воздействию.

Зубы, предназначенные для пережевывания пищи, часто подвергались процедурам, которые портили их. В разных традициях зубы выбивали, подпиливали, чернили, инкрустировали. И если демонстрация здоровых зубов – проявление агрессии, то какую цель преследовали указанные процедуры?

Мимика рта, положение верхней и нижней губы тоже прямо связаны с угрозой. Перфорации, инкрустация, татуировки в этой области способны либо усилить, либо смягчить выражение свирепости.

Последствия процедур в нижней центральной части лба концентрируют внимание окружающих, призывают к серьезности.

В общем, нужно признать: создание неизгладимых знаков помогало регулировать отношения между людьми, облегчало процесс общения. В каких-то случаях эти освященные мифом символы помогали умерить агрессию, в других – наоборот, демонстрировали силу. Скорее всего последний мотив был более характерным для мужчин, с их обязательной системой распознавания "свой-чужой". Ритуалы посвящения, во время которых наносились несмываемые метки, создавали четкую иерархию и сплачивали членов группы. Так, управляя своим телом, люди действительно управляли мирозданием – точнее, миром родовой общины.

Появление письменности, породив новый способ мышления, впервые создало угрозу для испытанных мнемонических символов, которыми служили неизгладимые знаки на человеческом теле. Именно в противоборстве между глубинными основами устной и письменной культур, по-видимому, скрываются причины неприятия татуировок древними персами и народами классической античности, не сразу, но унаследованного христианским миром. Впрочем, грамотность никогда не была повсеместной, поэтому древние ритуалы манипуляций с телом продолжают сохранять свою живучесть.

Литература

- Библия – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с приложениями. Брюссель, 1989.
- Богораз* 2001 – *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Главная редакция Восточной литературы, 2001. 223 с.
- Бутовская* 2004 – *Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура. М.: Научный мир, 2004. 440 с.
- Волкова* 1981 – *Волкова Н.В.* Обычай татуировки и раскраски тела на Кавказе // Сов. этнография. 1981. № 5. С. 113–116.
- Геродот* 2001 – *Геродот.* История/Пер. Г.А. Стратановского, М.: Ладомир, 2001. 739 с.
- Гиппократ* 1994 – *Гиппократ.* Избранные книги. Пер. В.И. Руднева. М.: Сварог, 1994. 736 с.
- История Древнего Востока* 2002 – *История Древнего Востока.* Тексты и документы/Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. 719 с.
- Латышев* 1993 – *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб.: Фарн, 1993. 291 с.
- Лосев* 1998 – *Лосев А.Ф.* Дионис // Мифология. Большой Энциклопедический словарь/Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 190.
- Лотман* 2001 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2001. 703 с.
- Лукиан* – *Лукиан.* О сирийской богине // Лукиан. Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1935.
- Медникова* 2001 – *Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный Мир, 2001. 304 с.

- Медникова* 2003 – *Медникова М.Б.* Ритуальное посвящение у древних народов Евразии: символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1(13). С. 147–156.
- Медникова* 2004 – *Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетея, 2004. 208 с.
- Мещераков* 2004 – *Мещераков А.Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2004. 556 с.
- Народы мира 1916 – Народы мира в нравах и обычаях. Петроград: Изд-во П.П. Сойкина, 1916. 624 с.
- Плутарх* 1961 – *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 503 с.
- Плутарх* 1963 – *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 548 с.
- Полосьмак* 2001 – *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 335 с.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу 1939 – Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу/Пер. и коммент. А.П. Ковалевского, ред. И.Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
- Руденко* 1949 – *Руденко С.И.* Татуировка азиатских эскимосов // Сов. этнография. 1949. № 1. С. 149–154.
- Руденко* 1953 – *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Наука, 1953. 401 с.
- Степанов* 2004 – *Степанов С.С.* Язык внешности. М.: Эксмо, 2004. 416 с.
- Штернберг* 2003 – *Штернберг Л.Я.* Татуировка // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия. М.: Адепт, 2003 (электронное издание).
- Элиаде* 2002 – *Элиаде М.* Тайные общества: обряды инициации и посвящения. М.: Гелиос, 2002. 352 с.
- Jones* 2000 – *Jones C.P.* Stigma and tattoo // Written on the body. The tattoo in European and American history/Ed. J. Caplan. L.: Reaction Books, 2000. P. 1–16.
- Groning* 2002 – *Groning K.* Decorated skin. A world survey of body art. L.: Thames&Hudson, 2002. 256 p.
- Gustafson* 2000 – *Gustafson M.* The tattoo in the Late Roman Empire and Beyond // Written on the Body: the Tattoo in European and American History/Ed. J. Caplan. L.: Reaction Books, 2000. P. 17–31.
- Herod* – *Геродот.* История/Пер. Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 2001. 739 с.
- MacQuerrrie* 2000 – *MacQuerrrie C.* Insular Celtic Tattooing: History, Myth and Metaphor // Written on the Body... 2000. P. 34–45.
- Meaney* 1992 – *Meaney A.L.* Anglo-Saxon Idolators and Ecclesiasts from Theodore to Alcuin: A Source Study // Anglo-Saxon Studies in Archaeology & History. 1992. Vol. 5. P. 103–126.
- Takahiro Kitamura* 2003 – *Takahiro Kitamura.* Tattoes of the floating world. Ukiyo-motifs in the Japanese tattoo. Amsterdam: Hotei Publishing, 2003. 120 p.
- Van Gennep* 1960 – *Van Gennep A.* The Rites of Passage. Chicago: University of Chicago Press. 1960.

M. B. Mednikova. Toward the Issue of Positive and Negative Perceptions of Tattoos in Ancient Times

The author explores the phenomenon of tattoo which had been widely observed throughout the societies of historic times and which has always interested ethnographers. The article focuses on differences in meaning and social significance that was attached to tattoos and other body-marking practices in different societies. The author argues that the cases of traditions manifesting the positive and the negative perceptions of tattoos and such practices present what may be considered as two alternative types of thought. Within one, the tattoo appears as a symbol and "sacred text", being a manifestation of the pre-literate culture. Within the other, it is employed as a means of punishment and humiliation, and it surfaces with the emergence of literacy and writing.